

— Шэнь Цзя... Как вы сошлись?

Юй Сянхан опять опустил голову, словно придавленный невидимой тяжестью или просто избегая прямого взгляда.

Шэнь Цзя чуть повернул голову к бескрайнему небу. На его лице застыло спокойствие человека, заранее провидевшего каждый шаг.

Изредка — лишь изредка — его посещала мысль: Юй Сянхан так просто от него не отступится. Даже очутившись по разные стороны развода, он оглянется первым.

Шэнь Цзя знал наверняка: когда-то он отдал этому человеку сто процентов своей любви, отдал всё, что имел, без остатка. Не верилось, что Юй Сянхан ничего не чувствовал. Да и разве бывает на свете хоть кто-то, способный легко отмахнуться от подобного чувства?

Кому не хочется быть любимым безоглядно? Просто Юй Сянхану это наскучило.

Словно человеку, привыкшему к чистой, умеренно тёплой воде, вдруг захотелось обжечь рецепторы ядрёной газировкой.

— Это моё дело. Тебя оно не касается.

О том, как именно Юй Сянхан расстался со своим «господином Чэнем», Шэнь Цзя знать не желал. Впрочем, и рассказывать бывшему мужу о себе и Чжоу Цзыфэе он тоже не собирался.

Возможно, Юй Сянхан и впрямь решил передумать, как Шэнь Цзя и предполагал. Но пройдя сквозь суицид и дождавшись, пока отправят за решётку Шэнь Цяньлуна, мучившего его десятилетиями, Шэнь Цзя твёрдо решил: отныне он живёт только ради себя.

Те десять лет рядом с Юй Сянханом он самозабвенно отдал сполна — любил так, будто платил бесконечный долг спасителю.

А после развода... Кольцо вернул, квартиру оставил, машину отдавать не стал — ушёл налегке. В глубине души ему хотелось смыть с себя всё дочиста, обрубить концы и уйти без остатка.

Столько лет пролитой крови и слёз — а в итоге осталась лишь надежда на сухое «не касается».

— Не касается?! — Юй Сянхан резко поднялся на ноги. Ухватившись за эти слова, он въелся взглядом в утончённое лицо Шэнь Цзя. — Шэнь Цзя, да как у тебя язык поворачивается?! Мы были вместе десять лет! Я...

На слове «десять» горло перехватило. Вдруг подступила жгучая, подлая горечь.

— В старшей школе, когда тебя травмировали и издевались над тобой, разве не я тебя вытащил? Когда Шэнь Цяньлун распускал руки, разве не я закрывал тебя от ударов? Даже когда ты рвался уехать в университет, а этот ублюдок кинулся на тебя с ножом — кто подставился под удар?!

— А сколько денег я отдал Шэнь Цяньлуну за эти годы? Я порвал с собственной семьёй, чтобы жениться на тебе! И всё это ты хочешь перечеркнуть одним словом?!

— Шэнь Цзя... Как ты можешь говорить, что мы чужие?!

Глаза Юй Сянхана налились кровью. Тяжело дыша от захлестнувших чувств, он почти выкрикивал эти упрёки.

Шэнь Цзя на миг побледнел. Пальцы в кармане пальто сжались, и жёсткий край прямоугольного пластика придал ему немного уверенности.

Он медленно вынул вещь, которую захватил из дома специально.

— Возьми.

На солнце блеснул пластик. Когда Шэнь Цзя протянул руку, Юй Сянхан разглядел банковскую карту.

— Я знаю, что Шэнь Цяньлун вытянул из тебя около пятисот тысяч. Но я усомнился, что он назвал точную сумму, поэтому собрал шестьсот. Если не хватит, дай мне немного времени, в следующем месяце я доплачу остаток.

Шэнь Цзя удерживал карту кончиками тонких бледных пальцев. Длинный рукав свитера выглядывал из-под пальто, прикрывая тыльную сторону ладони с проступающими голубоватыми венами.

Юй Сянхан уставился на эту левую руку — точнее, на безымянный палец. От сделанного открытия у него перехватило дыхание.

Оказывается, след от кольца, которое носилось шесть лет, исчезает всего за пять месяцев.

— Ты думаешь, я пришёл за деньгами? — Юй Сянхан горько усмехнулся, не спеша забирать карту.

Неужели из-за той брошенной в день развода фразы о возврате долгов Шэнь Цзя всё это время считал, будто Юй Сянхан хочет возместить финансовые потери?

— Шэнь Цзя, всё, что я делал для тебя, я делал добровольно. Мне не нужны твои компенсации.

Шэнь Цзя не мог разгадать выражение лица Юй Сянхана.

Когда-то в юности он с лёгкостью читал чужие эмоции. Но после свадьбы Юй Сянхан стал непредсказуемым: то холодным, то пылким. Его бросало из крайности в крайность, и Шэнь Цзя постепенно разучился чувствовать его душу, перестал понимать, о чём тот думает.

Шэнь Цзя молча кивнул, огляделся и положил карту на каменную скамью рядом с Юй Сянханом.

— Оставлю здесь. Пин-код — последние шесть цифр твоего паспорта. Делай с ней что хочешь. Провожать не стану.

Запахнув пальто, Шэнь Цзя повернулся, намереваясь уйти.

Двигался он легко и отстранённо, всем видом показывая, что говорить им больше не о чем.

Даже на яростные упрёки Юй Сянхана он не стал отвечать — словно их истории и впрямь пора подвести черту.

Но едва Шэнь Цзя сделал шаг за пределы беседки, Юй Сянхан окликнул его снова:

— Шэнь Цзя!

— Между нами... правда всё кончено?

Силуэт в чужом пальто на мгновение замер, после чего Шэнь Цзя медленно обернулся.

Мягкое зимнее солнце озарило его тёмные волосы золотистым ореолом. Острый подбородок тонул в высоком вороте свитера, светлая, словно нефрит, кожа хранила утончённую красоту, а в чуть прищуренных глазах с годами не угасла мягкая нежность.

На миг Юй Сянхану показалось, будто перед ним снова тот, самый первый Шэнь Цзя — хрупкий, одинокий, но с несломимой, затаённой во взгляде лаской.

Шэнь Цзя молчал. Он тоже смотрел на Юй Сянхана — человека, который когда-то закрывал его своей спиной и сотни раз обещал всегда быть рядом, беречь и любить.

— Да.

Тихо отозвавшись, Шэнь Цзя чуть кивнул и шагнул прочь.

— Стой... Подожди! Шэнь Цзя!

Юй Сянхан судорожно перевёл дыхание, схватил с каменной скамьи карту и бросился следом.

Он вцепился в рукав Шэнь Цзя, но ледяные пальцы так и не дерзнули коснуться голой кожи — лишь судорожно сжали ткань пальто.

— Эти деньги... ты ведь занял их, верно? У того человека, который живёт с тобой?

— Шэнь Цзя, ты хоть понимаешь, что беря у него деньги, ты фактически продаёшь себя?! Верни их ему! Мне ничего не нужно, и ты... не смей так поступать!

Последние слова Юй Сянхан вытолкнул из себя с огромным трудом, будто перебарывая стыд. Но Шэнь Цзя резко обернулся, и взгляд его был острее клинка.

— Каких ещё «таких» дел?

Выдернув руку, Шэнь Цзя встал вплотную к нему.

— Юй Сянхан, я с ним не ради денег. И не тебе печься о моей жизни.

Юй Сянхан сжал губы, желваки на его скулах ходили ходуном, но он сдержал рвавшийся наружу ответ.

Шэнь Цзя глубоко перевёл дыхание и заговорил уже иначе — спокойно, ровно:

— Юй Сянхан, ты понимаешь, что означают слова «всё кончено» и «мы чужие»?

Он говорил тихо, но каждое слово разило без промаха.

— Отныне всё, что со мной произойдёт — хорошее или плохое, — тебя не касается. И я ничего тебе больше не скажу.

Юй Сянхан так и не вспомнил, что ответил и как ушёл.

После тех слов в его памяти остался лишь силуэт Шэнь Цзя, уходящего не оглядываясь. Знакомый и одновременно бесконечно чужой силуэт, отпечатавшийся в сознании ожогом.

«Отныне всё, что со мной произойдёт — хорошее или плохое, — тебя не касается. И я ничего тебе больше не скажу».

Шэнь Цзя замер перед дверью и поднял левую руку, разглядывая пустой безымянный палец.

Надо же... Оказывается, он способен выдать Юй Сяньхану нечто подобное.

Прежняя слепая привязанность и любовь теперь казались смутным воспоминанием из прошлой жизни. В них теплились капли былой радости и печали, но всё это настолько истончилось, превратившись в едва заметное влажное пятно на краю одежды.

Однако затяжной, изнурительный проливной дождь в жизни Шэнь Цзя наконец утих. Над его головой медленно прояснялось небо.

И этого было вполне достаточно.

Стать чужими людьми и жить каждый своей жизнью — большего и не требовалось.

Шэнь Цзя ещё сжимал ручку двери, погружённый в свои мысли, как раздался щелчок — и дверь распахнулась изнутри.

— Учитель Шэнь?

Чжоу Цзыфэй с изумлением уставился на него. Заметив, что Шэнь Цзя стоит, опустив голову и не шелохнувшись, он слегка нахмурился, но тут же взял себя в руки.

Шагнув на порог, Чжоу Цзыфэй мягко положил ладонь ему на плечо и склонился ближе, сбавив тон до полупрошепта:

— Что случилось? Расскажи мне.

Шэнь Цзя молчал. Сделав шаг вперёд, он едва заметно качнулся; тёмные пряди соскользнули с его щеки, вздрагивая на весу, отчего сердце Чжоу Цзыфэя невольно сжалось.

— Учитель Шэнь...

Чжоу Цзыфэй хотел сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Он чуть повернул голову, глядя на тёмную макушку, уткнувшуюся ему в плечо.

Шэнь Цзя слегка ссутулился, прижавшись лбом к его ключице. Тёплое дыхание пробивалось сквозь шёлковую ткань рубашки, заставляя кожу трепетать.

— Я знаю, зачем он пришёл, — хрипло выдохнул Шэнь Цзя. Не открывая глаз, он впитывал привычный запах Чжоу Цзыфэя, чувствуя лбом упругое тепло его тела. — Он пожалел. Он хочет, чтобы я вернулся.

Чжоу Цзыфэй слушал молча. Он позволил Шэнь Цзя прижаться к себе, но не стал заключать его в объятия. Лишь пристальный, полный заботы взгляд был прикован к макушке старшего.

— Он прав... Я перед ним в неоплатном долгу. Если бы тогда он не вытащил меня из грязи, разве стоял бы я здесь сегодня? Я бы либо прикончил Шэнь Цяньлуна, либо наложил на себя руки.

— Но почему-то мне всё равно так обидно... Не знаю почему, но мне... невероятно горько.

«Каждый сам по себе — и этого достаточно»?

Почему тот, кто предал, живёт себе припеваючи, а преданный должен пройти через ад и побывать на краю гибели, чтобы научиться отпускать?

Шэнь Цзя сжал в кулаке ткань на груди Чжоу Цзыфэя. Рукав свитера сполз вниз, обнажив бледную тыльную сторону ладони с натянувшимися от напряжения венами.

Всё это показное равнодушие было лишь фальшивкой.

Едва уловив жалкую попытку Юй Сяньхана замолить вину, Шэнь Цзя первым делом ощутил ненависть.

Как бы он ни старался подавить это чувство, встретившись с ним сегодня лицом к лицу, он понял: ненависть никуда не ушла.

Он ненавидел Юй Сяньхана за то, что тот выглядел недостаточно раздавленным; ненавидел за то, что тот смел ставить под сомнение присутствие Чжоу Цзыфэя; ненавидел за то, как легко тот манипулировал прошлым, и за то, что ему вообще представился случай уйти достойно.

— Учитель Шэнь... Встрепенулась обида? С чего это предатель с чистой совестью смеет вновь возникать на твоём пути?

Чувствуя, как дрожат руки, цепляющиеся за его одежду, Чжоу Цзыфэй не выдержал: обнял его за плечи, мягко погладил по шелковистым волосам и озвучил то, что Шэнь Цзя так тщательно прятал на дне души:

— Ты ведь хочешь, чтобы у него всё было паршиво. Хочешь, чтобы он сбежал и не смел показаться тебе на глаза, а не мнил, будто вправе просить о воссоединении... Я прав?

Шэнь Цзя вздрогнул и поднял голову, будто его застигли пронизательностью врасплох.

В этих обычно тёплых, родных глазах застыла не успевшая угаснуть ярость. И эта ласковая изгибистая линия век внезапно сделалась режуще-острой.

Глядя на него, Чжоу Цзыфэй лишь сдержанно улыбнулся. Большой палец мягко коснулся покрасневшего уголка глаза Шэнь Цзя, еле ощутимо погладив кожу.

«До чего же красивый...»

<http://bllate.org/book/19971/1985927>